

Золотой жук (По/Смирдин)

Материал из Википедии — свободной библиотеки

Перейти к [навигация](#), [поиск](#)

Золотой жук

автор [Эдгар Аллан По](#) (1809—1849), переводчик *неизвестен* [Вильям Вильсон](#) →

Язык оригинала: английский. Название в оригинале: [The Gold-Bug](#), 1843. — Источник: Золотой жук. Повесть Эдгара По. Санкт-Петербург. Издание А. Смирдина (сына) и комп. 1858

Википроекты: [Википедия](#)

ЗОЛОТОЙ ЖУК

Несколько лет тому назад, я коротко познакомился с Вильямом Легран. Он принадлежал к старинной протестантской фамилии, довольно богатой в свое время, но которую несколько несчастий, следовавших одно за другим, довели до крайней нищеты. Желая избежать унижения банкротства, он оставил новый Орлеан — родину своих предков, и поселился на острове Сулливане близ Чарлстона, в Южной Каролине.

Этот остров прераспанный. Он весь покрыт морским песком и имеет в длину почти три мили, а в ширину не более четверти. От материка он отделен едва заметным ручьем, который протачивается сквозь густые камыши и глину, — любимое местопребывание водяных курочек. Растительность острова, как можно себе представить, весьма бедная, или лучше сказать, крошечная: там нет деревьев, даже посредственных. На западной оконечности, где стоит форт Мульти и несколько жалких деревянных строений, куда переезжают на лето во избежание пыли и лихорадок Чарлстона, можно встретить, правда, особую породу миниатюрных пальм. Зато весь остров, за исключением этого единственного уголка на западе и белесоватых берегов, покрыт густым кустарником пахучих мирт, так дорого ценимых английскими садовниками. Кустарник этот часто возвышается до 15 и 20 футов и образует собою почти непроницаемый лес, наполняющий воздух чудным благоуханием.

В самой глубокой чаще леса, недалеко от восточной оконечности острова, то есть самой дальней, Легран построил себе маленькую избушку, в которой и жил в то время, как я с ним познакомился. Знакомство наше скоро превратилось в тесную дружбу, потому что в этом добровольном отшельнике было многое, что могло возбудить участие и уважение. Я видел в нем следы глубокой учености, поддерживаемой блестящими умственными способностями, но со всем тем он был мизантроп и часто переходил от мгновенного воодушевления к грустной задумчивости. Легран имел у себя много книг, но читал их редко. Главное его развлечение состояло в рыбной ловле и охоте, любил он также бродить по берегу или между кустами мирт, отыскивая раковины и другие минералогические предметы — коллекция его натурального кабинета сделала бы честь Шваммердаму. Во время этих прогулок с ним обыкновенно ходил старый негр по имени Юпитер, отпущенный на волю еще до банкротства; ни просьбами, ни угрозами не могли склонить этого верного слугу, чтобы он оставил своего молодого *масса Виль*, за которым следить повсюду он считал своим неотъемлемым правом; кажется, даже сами родственники Леграна, заметив его расстроенную голову, поддерживали Юпитера в этом похвальном намерении, с той целью, чтобы он сделался как бы сторожем и смотрителем отшельника.

На острове Сулливане зимы бывают редко холодны, и если к концу года прибегают к помощи огня, то это считается какой-то особенностью. Однако в половине октября 18... г. случился день замечательно холодный. Именно перед закатом солнца я с трудом пробрался сквозь густой кустарник к хижине моего приятеля, которого не видал несколько недель. Я жил тогда в Чарлстоне, на расстоянии 9 миль от острова, а способы сообщения в то время были далеко не так удобны как теперь. Подойдя к домику, я по обыкновению постучался и, не получив ответа, отыскал ключ в известном мне месте, куда его прятали; я отворил дверь и вошел. Большой огонь пылал в камине. Это было для меня самой приятной неожиданностью. Я снял пальто, придвинул кресло к пылающим дровам и преспокойно уселся во ожидании хозяев.

Едва наступила ночь, как они явились и обошлись со мною чрезвычайно радушно. Юпитер, осклабясь во весь рот, доходивший у него до ушей, бегал туда и сюда, приготавливая ужин из водяных курочек, Легран же был в порывах восторга — как иначе назвать это? Он нашел нового рода раковину и, кроме того, с помощью Юпитера, поймал совершенно неизвестного жука — так, по крайней мере, он думал, и о котором, говорил он, желал знать мое мнение на другой день.

— Отчего же не сегодня вечером? — спросил я, потирая руки перед огнем и внутренно посылая к чертям все семейство жуков.

— А! если бы я знал, что вы здесь! — произнес Легран; я вас так долго не видал. Мог ли я предполагать, что вы придете ко мне именно сегодня? Возвращаясь домой, я встретил лейтенанта Ж... из крепости и имел глупость одолжить ему на несколько часов моего жука, так что до завтра нельзя видеть этого редкого насекомого; но ночуйте у меня сегодня, я пошлю Юпитера за жуком до солнечного восхода. Это самая удивительнейшая вещь изо всего творения!

— Что это? — восход солнца?

— Э! нет! черт побери! Я вам говорю про жука. Вообразите, он блестящего золотого цвета, величиною почти с большой орех, с двумя черными крапинами на верху спины, и с третьей, немного продолговатой, пониже. Остальные разводы на голове...

— Стальные? Масса Виль! Прервал нерасслыша Юпитер, на нем нет ничего стального. Жук этот чисто золотой, и из массивного золота весь, кроме крыльев. Я еще никогда не видывал вполтину такого тяжелого.

— Положим, что ты и прав, Юп, отвечал Легран с большей живостью чем бы следовало при подобном замечании, но разве можно жечь кур!... Цвет насекомого, продолжал он, обращаясь ко мне, точно необыкновенный. Вы не найдете даже металла столь блестящего как его крылья. Но вы сами увидите завтра утром. Теперь же я постараюсь вам дать понятие о его фигуре.

Говоря эти слова, Легран сел к столу, на котором лежали чернила и перья, но не было бумаги. Он начал рыться в ящике, но не нашел ни клочка.

— Все равно, — произнес он, — этого будет довольно.

И он, вынув из кармана жилета, что-то вроде засаленного куска веленовой старой бумаги, начал чертить на ней пером.

Во все это время я сидел неподвижно у камина, потому что мне было все еще очень холодно. Когда рисунок Леграна пришел к концу, он передал его мне, не вставая с места. В эту самую минуту послышалось снаружи громкое ворчание, и вслед за ним царапание. Юпитер отпер дверь, в которую вбежала огромная собака Леграна и кинулась прямо ко мне на плечи с радостным визгом. Я умел еще прежде разными подачками снискать полное расположение этого пса. Когда он окончил свои прыжки, я взглянул на клочок бумаги, который держал в руках и, сказать правду, немало удивился рисунку моего друга.

— Да, — сказал я, наконец, после нескольких минут глубокого созерцания, — признаюсь вам — это престранный жук! Особенно для меня, он совершенно в новом роде. До сих пор я ничего не видал даже подобного, разве только изображение человеческого черепа, на который ваш жук так похож, как только может походить что-нибудь на череп.

— На череп?... — произнес Легран, — а, да! на бумаге действительно могло вам показаться что-нибудь вроде этого. Я понимаю. Две черные крапины похожи несколько на глаза, средняя изображает рот, не так ли? Да и форма его вообще овальная...

— Может быть, — отвечал я, — но со всем тем, любезный Легран, мне кажется, вы довольно плохой живописец. Я лучше подожду покуда увижу вашего жука, чтобы составить какое-нибудь понятие о его наружности.

— Хорошо-с! Не понимаю, как это случилось, — возразил Легран немного обиженным тоном. Я рисую довольно порядочно или, по крайней мере, должен бы был рисовать недурно, потому что у меня были хорошие учителя и я не совершенный болван...

— Но, любезный друг, — прервал я, — вы, верно, смеетесь надо мною? Картинка ваша изображает презрительно нарисованный череп, даже чрезвычайно правильный в отношении к остеологии, и ваш жук будет самый удивительнейший изо всего семейства жуков, если он похож на то, что вы нарисовали. Мы можем даже придать этому обстоятельству какое-нибудь суеверное начало. Так, например, вы назовете вашего жука: *scarabaeus caput hominis*, или как-нибудь вроде этого. В летописях натуральной истории случается много подобных названий. Но где же разводы, о которых вы говорили?

— Вы их не видите? — воскликнул Легран, — выходя из себя. Вы должны их видеть. Я нарисовал так же явственно, как в натуре. Кажется, довольно!

— Положим, что вы нарисовали, — сказал я, — но все-таки я ничего не вижу!

И я протянул ему рисунок, не прибавляя ни слова более, чтобы не выводить его из терпения. Но со всем тем я был крайне удивлен его словами; настойчивость Леграна подстрекала мое любопытство; что же касается до рисунка, на нем решительно не было видно никаких разводов и, в общем, он представлял вернейшее изображение мертвой головы.

Легран взял от меня бумагу с недовольным видом и, казалось, хотел смять ее с досады и бросить в огонь, как вдруг, взглянув нечаянно на рисунок, он остановился и начал глядеть на него с неописанным вниманием. В одно мгновение лицо его покраснело, потом он вдруг побледнел. В продолжение нескольких минут он не переменил своего положения и рассматривал пристально рисунок, потом встал, взял со стола свечу и уселся на сундук на другом конце комнаты. Там он продолжал с тем же вниманием рассматривать бумагу, поворачивая ее на все стороны. Во все это время он не говорил ни слова; меня это крайне беспокоило, но я не хотел ничем раздражать худого расположения его духа. Наконец он вынул из кармана бумажник, положил в него картинку и потом спрятал бумажник в ящик, заперев этот последний на ключ. Тогда он, казалось, успокоился, но прежняя его восторженность совершенно исчезла. Вид Леграна показывал чрезвычайную озабоченность, но уже без примеси неудовольствия. По мере того как проходил вечер, он все делался задумчивее, и ни одна из моих шуток не могла его развлечь. Я имел намерение остаться у него ночевать, так как я уже это делал не один раз, но, видя расстроенное положение хозяина, счел за лучшее уйти. Легран не показал ни малейшего желания удержать меня, только при прощании он сжал мою руку сильнее обыкновенного.

Почти месяц спустя после описанного происшествия, — в продолжение этого времени я не имел никакого известия о Легране, — явился ко мне, в Чарлстон, слуга его Юпитер. Никогда еще я не видал доброго негра так глубоко опечаленным; я

испугался, не случилось ли уже с моим приятелем какого-нибудь несчастья.

— Ну, Юп, сказал я, что нового? как поживает твой господин!

— Гм! сказать вам правду, масса, не так хорошо, как бы следовало.

— Не так хорошо? очень, очень жалею; но на что же он жалуется?

— А! в том-то и штука, что он не жалуется, а со всем тем очень болен.

— Болен, Юпитер? Да что же ты мне этого не говоришь? Он лежит?

— Нет, не лежит, но весь нехорош, и я в большом беспокойстве о добром масса Виль.

— Юпитер, я бы хотел понять что-нибудь из твоих слов. Ты говоришь, что твой господин болен? Разве он не говорил, чем он страдает?

— О, масса! тут совершенно напрасно ломать голову. Масса Виль постоянно говорит, что не имеет никакой болезни, но в таком случае, зачем он ходит задумчиво взад и вперед, повесив голову, надвинув брови и плечи, и бледный как мертвец! И к чему он все пишет цифры да цифры?

— Пишет что, Юпитер?

— Цифры с разными знаками на грифельной доске, и знаки-то самые непонятные. Мне даже становилось страшно, я каждую минуту должен за ним присматривать. — Прошлый раз он убежал от меня перед солнечным восходом, да и пропал на целый день. Я было приготовил свежий прут, чтобы отработать его порядком, когда он возвратится, да не хватило духу — у него такой жалкий вид!

— Право! Во всяком случае, ты поступаешь благоразумно, имея к нему сострадание. Его не надо наказывать, он может быть не в состоянии этого и вынести. Но не знаешь ли ты, что было причиною этой болезни, или лучше сказать, перемены в образе жизни? Не случилось ли с ним чего-нибудь особенного с тех пор, как я вас видел в последний раз?

— Ничего, масса, ничего не случилось *с тех пор*, но *прежде*, именно в тот день, когда вы были у нас....

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я с тревожным любопытством.

— Э! масса, я говорю о жуке, вот и все!

— О ком?

— О жуке. Я уверен, что этот золотой жук прокусил ему где-нибудь голову.

— Но почему же ты так думаешь, Юпитер?

— Потому что у жука есть клещи и рот. Я еще никогда не видывал подобного. Он ловит и кусает все, что ни попадет. Едва масса Виль успел поймать его, как должен был сейчас же выпустить из рук; я уверен, что в эту минуту масса Виль и был им укушен. Наружность жука, и в особенности рот его, мне очень не понравились, потому я и не решился дотронуться до него пальцами, но взял кусок бумаги и завернул в нее жука; так я поймал его.

— И ты думаешь, что господин твой был точно укушен жуком, и что он от этого болен?

— Не думаю, а уверен. Зачем масса только и бредит что о золоте? верно потому, что был укушен золотым жуком. Я не раз слышал об этих золотых жуках.

— Но почему же ты полагаешь, что он бредит только о золоте?

— Как же не полагать? он говорить об этом даже во сне.

— Ты может быть и прав, Юпитер, — произнес я после некоторого молчания. Но скажи мне, чем я обязан твоему посещению сегодня?

— Как это, масса?

— То есть, какое ты мне принес известие от г. Леграна?

— Не известие, а письмо, масса — вот оно.

И Юпитер подал мне бумагу, в которой я прочел следующее:

«Любезный друг!

Отчего я вас так долго не видал? Надеюсь, вы не рассердились за мой последний прием — этого не может быть.

Я в сильном беспокойстве с тех пор, как мы не видались. Мне нужно с вами поговорить, но не знаю, как приступить к этому. Даже не знаю, скажу ли вам все.

Несколько дней я чувствую себя не так-то хорошо, и бедный Юпитер жестоко надоедает мне своими аттенциями и ухаживанием. Поверите ли? прошлый раз он даже приготовил палку, в благодетельном намерении пристращать меня за то, что я ушел один ночью с острова и пробыл целый день в отлучке! Я уверен, что только моя жалкая фигура спасла меня от наказания.

К собранию моему, по части натуральной истории, я не прибавил еще ничего.

Приходите ко мне с Юпитером, если вы свободны. *Приходите, приходите.* Я имею крайнюю нужду видеть вас сегодня вечером *по самому важнейшему делу.*

Преданный вам

Виллиам Лэгран."

Тон этого письма меня сильно встревожил. Слог его совершенно отличался от того, которым писал всегда Лэгран. О чем это он замышлял? Какая еще новая причуда поселилась в воспаленной его голове? Какое он мог иметь самое важнейшее дело? То, что говорил мне Юпитер, не предзнаменовало ничего хорошего. Я боялся, чтобы постоянное влияние несчастий не подействовало губельно на умственные способности моего друга. Не думая ни минуты, я собрался идти с жуком.

Подойдя к берегу, я увидел косу и три новых лопаты, лежащих на дне лодки, в которой нам нужно было переезжать.

— Юпитер, это что значит?

— Это? лопаты, масса, и коса, — отвечал он.

— Вижу, но зачем они здесь?

— Масса Виль велел мне купить эти вещи в городе, и я даже заплатил за них очень дорого.

— Но объясни, ради Бога, что масса Виль собирается делать с косою и лопатами?

— А! вы у меня спрашиваете более, чем я знаю. Он сам не понимает, зачем покупал, я уверен. Но все это происходит от жука.

Видя, что я не мог добиться никакого объяснения от Юпитера, которого весь ум был занят одним жуком, я сел в лодку и поставил парус. Но свежему попутному ветру мы быстро достигли небольшой бухты на севере, у форта Мультри, и после двухчасовой прогулки остановились у домика Лэграна. Было около трех часов пополудни, Лэгран ожидал нас с нетерпением. Он схватил мою руку с какой-то лихорадочной поспешностью, что еще более усилило мои подозрения. Лицо его было покрыто смертной бледностью, глаза, и без того впалые, сверкали чрезвычайно.

После некоторых обыкновенных вопросов о здоровье, я не нашел ничего лучше, как спросить, отдал ли ему лейтенант Ж. ... его жука.

— Да, да! отвечал Лэгран, — сильно покраснев, — я его взял у лейтенанта на другое же утро, ни за что на свете я не расстанусь с этим жуком. Знаете ли, что Юпитер совершенно прав насчет этого насекомого?

— В чем? — спросил я с грустным предчувствием в сердце.

— Предполагая, что этот жук действительно золотой!

Лэгран произнес эти слова с таким хладнокровным убеждением, что мне стало больно.

— Жук этот, продолжал Лэгран с торжественною улыбкою, предназначен обогатить меня, возратить мне достояние моих отцов. Удивительно ли, что я им так дорожу? Так как судьбе угодно было мне его даровать, то мне остается только воспользоваться им с умением, для того, чтобы достигнуть сокровища, которого он есть указатель. Юпитер! принеси его.

— Кого это? масса. ... жука, вы можете принести его сами.

Лэгран встал с важностью, не сказав ни слова, и отправился за жуком, который лежал под стеклянным колпаком. Жук этот был точно необыкновенно красив, неизвестный тогдашним натуралистам, и действительно мог иметь большую цену с ученой точки зрения. На одном конце спины у него были две круглые черные точки, а на другом продолговатое пятно. Крылья были чрезвычайно крепки, блестящи и точно имели вид почерневшего золота. К тому же он был замечательно тяжел, и, судя по этому качеству, можно было некоторым образом извинить мнение Юпитера; но что сам Лэгран соглашался с ним, вот чего я не понимал и, как ни раздумывал, никак не мог разрешить этой загадки.

— Я посылая за вами, — произнес Лэгран, после того, как я окончил рассматривание жука, — я прошу вас помочь мне советом и участием в исполнении неразгаданных путей судьбы и моего жука. ...

— Любезный друг! — вскричал я, прерывая его, — вы, верно, не так-то хорошо себя чувствуете, я бы вам советовал взять некоторые предосторожности. Лягте в постель, я останусь у вас несколько дней, куда вы себя не почувствуете лучше. У вас лихорадка и....

— Пощупайте мой пульс, — сказал он.

Я взял его за пульс и, правду сказать, не нашел ни малейшего признака лихорадки.

— Вы можете быть больны и не имея лихорадки, — продолжал я, — позвольте же мне на этот раз быть вашим доктором. Прежде всего, ложитесь в постель, потом....

— Вы ошибаетесь, — прервал он, — я чувствую себя довольно хорошо, как только можно быть в моем напряженном состоянии. И если вы точно желаете мне полного здоровья, то вероятно облегчите это положение.

— Что же нужно для этого? — спросил я.

— Очень немного. Юпитер и я, отправляемся по делу в горы, на твердую землю, и нам нужен помощник, на которого бы можно было совершенно положиться; этот единственный человек — вы. Исполнится или нет наше предприятие, во всяком случае, мое беспокойство пройдет.

— Я имею самое живейшее желание услужить вам, — сказал я, — но.... одно слово: имеет ли отношение проклятый жук с нашим путешествием в горы?

— Разумеется.

— В таком случае, любезный Легран, я никак не могу содействовать такому совершенно безумному предприятию.

— Жаль, очень жаль; нечего делать, мы должны пуститься одни.

— Одни? А! бедный, решительно сошел с ума! — подумал я. — Скажите, наконец, на сколько времени вы отправляетесь?

— Вероятно на ночь. Мы пойдем сейчас же и, во всяком случае, возвратимся к солнечному восходу.

— И вы мне обещаете, как честный человек, что, исполнив свою прихоть и окончив дело с жуком, вы возвратитесь домой и будете в точности следовать советам моим и вашего доктора!

— Обещаю. А теперь отправимся, потому что времени терять нельзя.

Я последовал за моим приятелем, скрепя сердце. В четыре часа мы пустились в путь, Легран, Юпитер, собака и я. Юпитер нес косу и лопаты. Мне казалось, что он взялся непременно нести эти инструменты не по усердию слуги, а боясь оставить их в руках своего бедного господина. При всем этом он был в самом худом расположении духа, и слова: «проклятый жук!» были одни, которые он произнес во все время нашего перехода. На мою долю пришлось нести два потайных фонаря; что ж до Леграна, он довольствовался одним жуком, неся его повешенного на нитке и поворачивая во все стороны, в то время как сам выступал с важностью волшебника. При виде этих признаков сумасшествия, у меня невольно навернулись слезы; я подумал, однако, что в настоящую минуту было благоразумнее исполнить его волю, покуда я не буду в состоянии употребить с успехом какие-нибудь сильные меры. Я попробовал, однако, хотя совершенно без пользы, спросить о цели нашего путешествия. Но он, уговорив меня на это дело, не давал себе даже труда отвечать. При всех моих вопросах Легран повторял только: «Посмотрим!»

Переехав на челноке на противоположный берег, мы пустились по гористой местности по направлению северо-запада, сквозь совершенно дикое и пустынное место, где нельзя было отыскать человеческого следа. Легран шел мерным шагом, останавливаясь только по некоторым приметам, которые он сделал, казалось, прежде.

Путь наш, таким образом, продолжался около двух часов; солнце уже садилось, как вдруг мы вошли в такую глушь, которая была страшнее всего, что мы видели до сих пор; это было плоское место близ вершины крутой горы, покрытой с верху до низу лесом и огромными камнями, разбросанными повсюду, и которые неминуемо слетели бы вниз, если бы не были удержаны деревьями; глубокие рвы, пересекающие гору по разным направлениям, придавали этому месту характер мрачной торжественности.

Натуральная площадь, на которую мы взобрались, была до того покрыта тернием, что без помощи косы невозможно было подвигаться вперед. Юпитер по приказанию своего господина начал прочищать нам дорогу к подножию огромного тюльпанного дерева, которое росло на платформе посреди 8 или 10 дубов, превосходя их высотой и плотностью, как и все прочие деревья, которые я когда-либо видел.

Когда мы добрались, наконец, до этого гиганта, Легран обратился к Юпитеру и спросил его, в состоянии ли он взлезть на дерево. Бедный старик смутился немного при этом вопросе и в продолжение нескольких минут не отвечал ни слова. Однако он приблизился к огромному стволу, обошел его медленно кругом и рассмотрел с большим вниманием. Потом он сказал:

— Да, масса. Юп не видел еще дерева, на которое он не мог бы взлезть.

— Ступай же, и живо! — произнес Легран, потому что скоро будет слишком темно для того, что нам остается сделать.

— До каких пор нужно взлезть, масса? — спросил Юпитер.

— Ступай сперва по стволу, а потом я тебе скажу куда... А, стой! возьми с собой жука...

— Жука! масса Виль? золотого жука? — вскричал негр, отступая со страхом. — Для чего же нести с собой на дерево и жука? Чтоб меня разорвало, если я его возьму в руки!

— Юп! когда ты трусишь, ты огромный, толстый и сильный негр, взять голыми руками маленькое безвинное мертвое животное, возьми его хоть за нитку, но слушай! ежели ты, так или иначе, не понесешь его с собою на дерево, то, хотя и очень жаль, но я тебе сломаю голову вот этой лопатой. Понял?

— Господи, Боже мой! что же это с ним случилось? — произнес Юпитер, который от стыда стал, видимо, снисходительнее. — Вам непременно таки надо браниться с вашим старым негром! Я испугаюсь жука! великое мне дело жук!

Он взял за кончик нитку и, держа, однако, насекомое как можно от себя далее, начал карабкаться по стволу.

Когда тюльпанное дерево, или *Liriodendron Tulipiferum*, самое великолепное из американских деревьев, бывает молодо, то имеет ствол чрезвычайно гладкий и поднимающийся на довольно большую высоту безо всяких ветвей, но, стареясь, оно получает шероховатую, неровную кору с небольшими назначениями боковых ветвей, которые во многих местах пробиваются по стволу, так что взобраться по дереву казалось только очень трудно, а не было так в действительности. Обняв коленами и руками огромный ствол, и придерживаясь пальцами и ногами за шишки, Юпитер, сначала с опасностью слететь раза два, добрался таки до первой ветви и тут уже был уверен в дальнейшем благополучном путешествии на верх. И точно, главная трудность была побеждена, и храбрый негр находился теперь на 60 или 70 футов в высоту от земли.

— Куда прикажете, масса? — спросил он.

— Иди все по главной ветви, к этой стороне, — отвечал Легран.

Негр повиновался в ту же минуту и, казалось, без всякой трудности. Он карабкался все выше, до того, что его ползущая и скрюченная фигура скоро совершенно исчезла в густой зелени листьев. Тогда снова послышался его голос с высоты:

— Куда еще ползти? — прокричал он.

— На какой высоте ты? — спросил Легран.

— Так высоко, так высоко, — отвечал негр, — что я вижу небо сквозь макушку дерева.

— Не заботься о небе, а слушай, что я тебе буду говорить. Гляди на ствол и сосчитай ветви под собою с этой стороны. Сколько ветвей?

— 1,2, 3,4,5, 6, я прошел шесть больших, масса, с этой стороны.

— Поднимись еще на одну, — сказал Легран. Через несколько секунд послышался опять голос негра, он достиг седьмой.

— Теперь, Юп, — крикнул Легран с видимым волнением, — надо тебе подвигаться прямо по этой ветви как далеко ты сможешь. Если ты увидишь что-нибудь особенное, скажи мне.

Тут я потерял всякую надежду, которая еще оставалась во мне, насчет рассудка моего друга. Я уже не мог сомневаться в полном сумасшествии Леграна и начал придумывать средства, как бы его заставить возвратиться домой. В то время как я размышлял, что и как мне делать, голос Юпитера послышался снова:

— По этой ветви страшно подвигаться вперед, она почти вся сухая.

— Ты говоришь, что она сухая, Юпитер? — произнес Легран взволнованным голосом.

— Да, масса, суха как старый гвоздь. О! то есть совсем сухая.

— Боже мой! что тут делать? — воскликнул Легран, который, казалось, был в совершенном отчаянии.

— Что делать? прервал я с радостью, воспользовавшись этим случаем, — возвратиться домой и лечь спать. Пойдемте! сделайте мне удовольствие, любезный друг! Теперь поздно, вспомните ваше обещание.

— Юпитер! — вскричал Легран, несколько меня не слушая, — слышишь ли ты? А?

— Слышу, масса Виль!

— Попробуй-ка дерево ножом и скажи, сильно ли оно погнило? — продолжал Легран.

— Довольно гнило, масса, — отвечал негр спустя несколько минут, но не так, как бы могло быть. Я мог бы еще подвинуться немного вперед, но только я один.

— Один? что это значит? — кричал Легран.

— Я говорю, то есть, без жука, — отвечал негр. — Он очень тяжел, этот жук. Если бы я его опустил, например, то ветвь, может быть, и сдержала бы тяжесть одного негра.

— Проклятый плут! — закричал Легран, видимо успокоившись, — что ты за дичь мне пореешь! Если ты выпустишь из рук жука, я тебе сломаю шею. Слушай, Юпитер! ты слышишь? А?

— Да, масса, только не следует так обходиться с стариком-негром.

— Хорошо, хорошо. Слушай теперь! Если ты пролезешь вместе с жуком по ветви сколько возможно далее, я тебе дам доллар, только что ты сойдешь вниз.

— Добрался, масса Виль! я здесь, почти на самом конце! — отвечал быстро негр.

— На конце? — произнес Легран кротким голосом. — Ты говоришь, на конце этой ветви?

— Еще один шаг... О! о! Господи, Боже мой! экие чудеса! да что это тут на дереве! экое диво!

— Ну! — крикнул Легран в восторге, — что же ты видишь на дереве.

— Эге! да это череп, точно череп! кто-нибудь, верно, оставил свою голову на дереве и птицы, вероятно, расклевали все мясо.

— Череп, говоришь ты? хорошо. Каким образом он утверджен на дереве?

— О! он крепко сидит. Посмотрим... Экая штука!... Да он прибит гвоздем.

— Очень хорошо! Теперь, Юпитер, слушай меня и делай все, что я тебе прикажу. Ты слышишь?

— Да, масса.

— Слушай со вниманием. Найди левый глаз в черепе.

— О! о! Да у черепа нет левого глаза.

— Экой болван! ты знаешь различие левой руки от правой?

— Как же. Левая рука та, которой я колю дрова.

— Да, потому что ты левша; стало левой глаз твой на той же стороне, как и рука. Теперь надеюсь, ты сумеешь найти левый глаз в черепе, то есть место, где был прежде левый глаз. Ну что, нашел?

Тут последовало довольно долгое молчание; наконец негр продолжал:

— Левый глаз у черепа с той же стороны где и левая рука его; хотя у черепа нет руки, но все равно, я нашел левый глаз. Что теперь делать?

— Пропусти сквозь него на нитке жука, как можно ниже, но смотри, не вырони нитку.

— Готово, масса Виль! Продеть жука сквозь глаз легко. Смотрите, жук спускается к вам.

Во время этого удивительного разговора Юпитер был невидим за густой зеленью; но жук скоро показался на нитке и блестел как золото, освещаемый последними лучами заходящего солнца. Если бы Юпитер опустил нитку с жуком, то этот непременно бы упал к нашим ногам. Легран тотчас взял косу и очистил кругом место в несколько футов, именно под жуком и, окончив свое занятие, закричал Юпитеру, чтобы он выпустил из рук нитку с жуком и потом сошел сам с дерева.

Со всевозможным старанием Легран заметил кольшком именно то место, куда упал жук, и вынул из кармана веревочку. Он утвердил один конец ее у дерева, как можно ближе ко вбитому колу и, развивая веревку по прямой линии через кол, отсчитал 50 футов по этому направлению. Юпитер, присоединясь к нам, очищал косой терновник; дойдя до второй искомой точки, Легран вбил еще кол и описал вокруг него круговую линию в 4 фута в диаметре. Тогда он взял одну лопату, другую дал Юпитеру, третью мне, и пригласил нас копать как можно скорее.

Сказать правду, я никогда не имел склонности к подобной работе и весьма рад был бы отделаться от нее в эту минуту; ночь уже наступила; я чувствовал большую усталость после ходьбы; но не было никакого средства избавиться, от этой гимнастики, потому что я боялся смутить светлую радость моего бедного друга. Если бы я мог ожидать помощи со стороны Юпитера, я бы несколько не колебался заставить насильно сумасшедшего Леграна возвратиться домой, но мне слишком хорошо был известен характер старого негра, чтобы с стороны его надеяться на малейшую помощь при какой бы то ни было личной борьбе с его господином. Я уже не сомневался, что Легран был заражен суеверием, столь частым на юге — о зарытых сокровищах, и что этому сумасбродству способствовал каким-нибудь образом найденный жук, может быть даже сам Юпитер, уверявший, что жук действительно золотой. Ум, способный к заблуждению, мог легко увлечься подобными идеями, тем более, если они отвечали

его собственным. Тут я вспомнил и слова Леграна относительно жука, который должен был сделаться *указателем сокровища*. Я был страшно измучен и в большом беспокойстве, но решился скрепя сердце копать, чтобы как можно скорее представить моему мечтателю, явные доказательства его заблуждения.

Мы засветили фонари и принялись за дело дружно и со рвением достойным более благоразумной цели. Так как свет от фонарей падал прямо на нас, то я невольно подумал, что мы представляли собою весьма занимательную группу, и что если бы кто нечаянно взглянул на нее, вероятно, предположил бы, что мы занимались престранным и преподозрительным делом.

Мы работали два часа сряду, говорили мало. Во все время собака Леграна оглушала нас своим лаем; она, как видно, принимала живейшее участие в нашем занятии. Под конец собака до того разлаялась, что мы испугались, как бы лай этот не привлек какого-нибудь ночного бродягу; страх этот был, впрочем, у одного Леграна; что же до меня, то я бы еще обрадовался, если бы что-нибудь помешало копанию и заставило нас возвратиться домой. Наконец страшный лай этот кончился благодаря Юпитера, который, выскочив раздосадованный из выкопанной ямы, навязал из подтяжки намордник на собаку, и потом возвратился к своей работе, смеясь потихоньку с видом глубокого достоинства.

После двух часов прилежного копания, мы достигли до глубины пяти футов, но никакого признака сокровища не появлялось. Мы перестали копать, и я начинал надеяться, что тем и кончится эта комедия. Однако Легран, хотя и видимо смущенный, отер задумчиво лоб и принялся снова за лопату. Яма наша занимала уже все пространство начертанного круга в 4 фута в диаметре; мы немного далее перешли за этот предел и выкопали еще почти два фута. Все напрасно! Мой бедный кладоискатель, которого было действительно жаль, выскочил, наконец, из ямы, со всеми признаками глубокого отчаяния, и начал медленно, и как бы с сожалением, одевать свое платье, которое снял перед работой. Я остерегался сделать какое-либо замечание. Юпитер, по знаку своего господина, собрал инструменты. Окончив все, и развязав собаку, мы, наконец, отправились в обратный путь, храня глубочайшее молчание.

Мы прошли, может быть, шагов двенадцать, как Легран, произнеся страшное ругательство, кинулся на Юпитера и схватил его за шиворот. Удивленный негр выпучил глаза, разинул рот и, выронив из рук лопаты, упал на колени.

— Злодей! закричал Легран изо всей силы, — дьявол араб! проклятый араб! говори, говорят тебе! Отвечай сейчас же, и главное не ври! который у тебя левый глаз?

— А, создатель! Вот он, левый глаз — масса Виль! — кричал испуганный негр, положив руку на правый с такой отчаянной решимостью, как будто бы боялся, что Легран вырвет глаз.

— Так я и думал!! так! так! Урррааа! — воскликнул Легран, выпустив из рук бедного негра и пустившись с радости плясать, к величайшему удивлению своего верного слуги, который, поднявшись с земли, смотрел попеременно то на меня, то на Леграна.

— Нечего делать, надо воротиться! — сказал этот последний, дело еще не потеряно.

И Легран повернул назад к тюльпанному дереву.

— Юпитер! — произнес он, когда мы подошли к дереву, поди сюда! Череп прибит к ветке лицом вниз, или кверху?

— Кверху, масса, поэтому и вороны могли легко выклевать у него глаза.

— Хорошо. Теперь скажи через этот глаз, или вот через этот ты спустил жука?

И Легран, указал попеременно на оба глаза Юпитера.

— Через этот глаз, масса, через левый; именно так как вы мне говорили.

И бедный негр все-таки указывал на правый глаз.

— Так! так! надо начать снова.

Тогда мой друг, в сумасшествии которого я видел или, по крайней мере, предполагал некоторую систему, перенес кол с места, куда был опущен жук, на вершок к западу. Растянув снова нитку по прямой линии от корня через кол, как он уже делал прежде на расстоянии 50 футов, он заметил новую точку на расстоянии нескольких ярдов от той, где мы копали в первый раз.

Вокруг этого нового центра был также очерчен круг, немного более чем прежний, и мы опять принялись за работу. Я был в страшном изнеможении и, между тем, не мог дать себе отчета в странной перемене мыслей: я не чувствовал более отвращения от моей усиленной работы. Напротив, теперь она меня неизъяснимым образом занимала; скажу более — я чувствовал себя в каком-то воспаленном состоянии. Может быть, этому способствовал сам Легран; странная его мания имела в себе что-то убеждающее, предвещательное, которое подействовало и на меня. Я с жаром рыл землю и даже иногда, кажется, искал как будто глазами воображаемого сокровища, которого предвидение свело с ума моего бедного друга. В одну из таких минут, когда золотые мечты бессознательно овладевали мною, и когда мы прокопали уже часа полтора — мы были снова прерваны страшным лаем собаки. Беспокойство ее в первый раз было, как видно, только следствием пустого каприза или глупой радости; но теперь лай этот принимал характер гораздо серьезнее, и когда Юпитер захотел надеть ей намордник, собака стала огрызаться и, кинувшись в яму, начала с страшной быстротою раскапывать лапами землю. Через несколько минут из земли показались человеческие кости. То были два целые скелета в какой-то истлевшей материи, кажется шерстяной, и с металлическими

пуговицами. Новым ударом лопаты мы выкинули большой испанский кинжал; мы продолжали копать и несколько серебряных и золотых монет блеснули в земле.

При виде этом, Юпитер едва мог удержать свой восторг; но зато физиономия его господина изобразила страшное разочарование, Легран однако же просил нас продолжать работу, и едва он перестал говорить, как я споткнулся и упал наперед, лопата моя зацепилась концом за большое железное кольцо, которое выказалось до половины из-под рыхлой земли.

Мы принялись копать с удвоенными силами; никогда я не прожил десяти минут в таком воодушевлении. В это время мы совершенно откопали деревянный сундук продолговатой формы и которого дерево, судя по его совершенной целости и крепости, вероятно, было протравлено каким-нибудь химическим способом, может быть посредством бихлорного ртути. Сундук этот имел 3 фута с половиной длины, 3 ширины и два с половиной глубины. Он был крепко окован железными полосами, покрывавшими его как решеткой. С каждой стороны у крышки было вбито по три кольца, за которые могли взяться шесть человек. Мы трое, общими силами, могли только немного сдвинуть его с места. Поднять сундук не было никакой возможности. К счастью, крышка была утверждена только двумя болтами, которые мы сумели сдвинуть, дрожа в страхе ожидания, и что же? сокровище несметное мгновенно явилось перед нами. Свет фонарей, падавший в яму, заиграл на куче золота и драгоценных камней, ослепляя наши взоры.

Я не могу описать чувств, с которыми я смотрел на эти богатства. Немое удивление, разумеется, превышало все прочие. Легран, казалось, был до того измучен своим воспаленным состоянием, что произнес только несколько слов. Что до Юпитера, он был бледен, как только возможно негру, и казался совершенно обезумлен. Спустя несколько минут он кинулся на колени в яме и, запустив по локоть руки в золото, остался так долгое время, наслаждаясь золотым ощущением. Наконец он воскликнул с глубоким вздохом и как бы говоря сам с собою: — «И всё это от золотого жука! красивого золотого жука! бедного жука, которого я бранил, обижал! не стыдно ли тебе, скверный негр; что теперь скажешь, а?»

Надо было, однако, разбудить и слугу и господина от их восторгов и растолковать им, что следовало как можно скорее вынести эти сокровища. Становилось поздно, и нам нужно было торопиться, чтобы перенести все домой до солнечного восхода. Мы не знали, на что решиться и теряли много времени в пустых разговорах: до того мысли наши были в разброде. Наконец мы облегчили сундук, высыпав из него две трети золота, и только тогда, и то с трудом, удалось нам его поднять. Вынутое сокровище было спрятано в кусты. Возле них Юпитер велел лечь верной собаке с строжайшим приказанием не трогаться с места до нашего возвращения, даже не лаять. Тогда мы, подняв сундук, пустились со всевозможной поспешностью в обратный путь. В час ночи, безо всякого приключения, но страшно измученные, мы достигли, наконец, избушки Леграна. Невозможно было тотчас же возвратиться за остальным кладом, на это недоставало бы человеческих сил.

Мы отдохнули до двух часов, поужинали, и пустились снова в горы, взяв с собою три больших мешка, которые весьма кстати попали нам под руку. Около четырех часов мы достигли вырытой ямы и, разделив поровну остальную добычу, пошли окончательно в обратный путь, не заботясь даже закидать землей яму. Заря только что начала окрашивать верхушки деревьев, когда мы вторично сложили в хижине Леграна драгоценную ношу.

Мы были совершенно разбиты усталостью, и со всем тем глубоко воспламененное чувство не давало нам покоя. После трех или четырех часов тревожного сна, мы встали все вместе, как будто бы сговорились, чтобы узнать, наконец, в чем именно состояло наше богатство.

Сундук был наполнен доверху, и мы должны были употребить весь день и большую часть ночи, чтобы пересчитать все, что в нем находилось. Различные деньги и драгоценные камни были в нем набросаны без всякого порядка. Разделив все как следует, мы увидели, что ценность их превышала все наши ожидания. Считая по курсу современных денег, там было более чем 450,000 долларов одних монет, и ни одной монеты серебряной — все старинное золото разных времен: французские, испанские, немецкие червонцы, несколько английских гиней и жетонов, которых моделей мы никогда не видали. Было там еще много очень тяжелых и больших монет, но до того истертых, что нельзя было разобрать надписей. Американской монеты ни одной. Богатство драгоценных камней определить было гораздо труднее. Мы нашли 110 бриллиантов, из них ни одного не было маленького и некоторые были очень велики и чудного блеска; 18 хороших рубинов, 310 отличных изумрудов, 21 сафир и один опал. Все эти камни были вынуты из оправы и брошены в сундук в одну кучу, оправы же от них была сбита молотком, как казалось, с намерением, чтобы нельзя было узнать камней. Кроме всего этого, находилось еще множество украшений из литого золота: около двухсот колец и серег; тридцать толстых цепочек и, если не ошибаюсь, восемьдесят три больших креста; пять драгоценных кадилниц; огромная пуншевая чаша из чистого золота с вырезанными изображениями вакханок, перевитых виноградом и листьями; два эфеса чудной работы и еще множество маленьких вещей, которых я теперь не упомяну. Вес всех вещей был более 350 фунтов. Я тут еще не включаю сто девяносто семь золотых часов, из которых трое стоили по крайней мере по 500 долларов за штуку. Многие из них были старинные, и без всякой ценности как часы, потому что механика их испортилась от влияния земляной сырости, но зато все они были украшены драгоценными камнями и имели богатую оправу. В эту ночь мы насчитали всего-на-все на полтора миллиона долларов, и когда впоследствии обратили в деньги украшения и драгоценные камни — из которых несколько мы оставили для себя — то нашли эту цифру еще слишком далекою от настоящей.

Когда мы, наконец, окончили нашу опись и успокоились от страшного душевного волнения, Легран, видя, что я стору от нетерпения, чтобы узнать, как все это случилось, начал рассказ со всеми подробностями, желая удовлетворить мое любопытство.

— Вы помните тот вечер, начал он, когда я показал вам грубо набросанный рисунок жука. Вы тоже, вероятно, не забыли, как

мне не понравилось, когда вы настойчиво уверяли, что рисунок мой был похож на мертвую голову. В первую минуту я подумал, что вы шутите, но как на спине насекомого были две черных крапины, то я понял, что ваше мнение могло иметь некоторого рода основание. Несмотря на это, ваши насмешки над моим рисовальным искусством выводили меня из терпения, потому что, как я уже говорил, меня и теперь считают за порядочного живописца; так что когда вы подали мне обратно кусок пергамента, я готов был смять его и бросить в огонь.

— Вы хотите сказать, кусок бумаги, — прервал я.

— Нет; я сам так думал сначала, но когда я хотел нарисовать на нем, то увидел, что это был очень тонкий пергамент. Он был чрезвычайно грязен, как вы помните. В то самое мгновение, как я хотел его смять, глаза мои нечаянно остановились на рисунке, который вы рассматривали, и можете вообразить, каково было мое удивление, когда я точно увидел мертвую голову на том месте, где я думал, что нарисовал жука. Несколько минут я был слишком озадачен, чтобы размышлять хладнокровно. Я очень хорошо понимал, что мой рисунок был совсем не такой, хотя и мог иметь, в общем, некоторое сходство с этим. Тогда я взял свечу и, усевшись на другом конце комнаты, принялся внимательно рассматривать пергамент. Повернув его на другую сторону, я увидел мой собственный рисунок, так как я его сделал. Открытие это, разумеется, меня удивило; мне было чрезвычайно странно видеть изображение неизвестного мне черепа, который пришелся именно под моим нарисованным жуком, и не только имел с ним сходство в общих линиях, но и занимал то же самое пространство на другой стороне пергамента. Я говорю: странность этих отношений двух различных предметов меня озадачила на минуту; я стал добираться причины этого непостижимого сходства и почувствовал, что у меня заходил ум за разум. Придя, наконец, в себя от первого удивления, я получил новую, светлую мысль, которая поразила меня еще более чем самое сходство. Я начал ясно припоминать, что не было никакого рисунка на пергаменте, когда я сделал на нем абрис жука. Я в этом был совершенно уверен, потому что вспомнил, как я переворачивал лист на все стороны, чтобы найти на нем чистое место. Если бы череп был виден, я бы непременно его заметил. В этом заключалась вся задача, которую я никак не мог разрешить, но в ту же самую минуту я почувствовал какое-то просветление в самой сокровенной внутренности моих понятий, что-то вроде умственного светящегося червячка, или, так сказать, зародыша истины, в которой прошлую ночь мы имели такое блестящее доказательство. Я встал тогда решительно с своего места и, спрятав пергамент, отложил всякое рассуждение до той минуты, когда останусь один.

Когда вы ушли, и Юпитер совершенно уснул, я предался изысканиям более методическим. Во-первых, я хотел дать себе верный отчет в том, каким образом этот пергамент попал ко мне в руки. Место, где мы поймали жука, находится за милю от берега на восток, и весьма близко от фарватера. Когда я словил жука, он укусил меня, и так больно, что я его бросил. Юпитер, с свойственной ему осторожностью, прежде чем бежать за улетевшим жуком, начал искать вокруг себя клочка бумаги или чего-нибудь вроде этого, чтобы взять жука не голыми руками. В эту-то минуту мы оба увидели кусок пергамента, который сначала и приняли за бумагу. Он был до половины зарыт в песке. Возле этого места, я заметил часть кормы, как должно полагать довольно большого судна. Эти остатки от кораблекрушения были, вероятно, тут очень давно, потому что едва можно было узнать по ним основу корабля.

Итак, Юпитер поднял кусок пергамента и, завернувши в него снова пойманного жука, подал его мне. После этого мы пошли домой и на дороге встретили лейтенанта Ж... Я показал ему жука, и он попросил его у меня на несколько часов. Я согласился. Тогда лейтенант положил жука в карман своего жилета, но без куска пергамента, который остался у меня в то время, как тот рассматривал насекомое. Может быть, он не взял пергамента, боясь, чтобы я не передумал отдать ему жука; вы знаете, что Ж... с ума сходит от натуральной истории. Весьма понятно, что я, вовсе не думая, спрятал пергамент в карман.

Вы должны вспомнить еще, что когда я сел к столу, чтобы нарисовать жука, то не мог найти бумаги в ящике, где она обыкновенно лежит. Я начал тогда искать у себя в карманах, надеясь найти какое-нибудь старое письмо, как вдруг под руку попался мне этот кусок пергамента. Я нарочно говорю вам обо всех подробностях, которые особенно поразили меня впоследствии.

Вы, вероятно, будете смеяться, но я уже составил в голове моей некоторое отношение между этими предметами. Разбитое судно на берегу и недалеко от него кусок пергамента, заметьте *не бумаги*, с изображением черепа. Вы, разумеется, спросите, какое отношение между этими двумя вещами? Я вам на это скажу, что череп или мертвая голова есть известная эмблема пиратов. Они всегда во время набегов поднимают флаги с изображением мертвой головы.

Я вам сказал, что это был кусок пергамента, а не бумаги. Пергамент же вещь чрезвычайно крепкая, почти вечная. На нем пишутся только акты самого важного содержания, потому что писать или рисовать на пергаменте весьма неудобно. Это обстоятельство подало мне мысль, что в мертвой голове должно было заключаться что-нибудь особенное. Я также заметил и форму самого пергамента. Он был продолговатый, хотя у него недоставало одного угла, вероятно оторванного по какому-нибудь случаю. Итак, он принадлежал к одному из тех листков, на которых обыкновенно пишут самые важные документы, чтобы сохранить их на неопределенно долгое время.

— Но, — прервал я, — вы говорите, что черепа не было видно на пергаменте, когда вы рисовали жука. Какое же может быть отношение между разбитым кораблем и мертвой головой, когда она, по вашему же уверению, должна была быть написана Бог знает как и кем после вашего рисунка?

— А! в этом-то и заключается вся задача, хотя, сравнительно, мне не стоило большого труда разрешить ее. Положения мои были верны и вели к одному результату. Я рассуждал так: когда я рисовал жука, на пергаменте не было видно и следов мертвой головы. Окончив рисунок, я вам его передал, и все смотрел на вас, покуда вы мне его не возвратили. Поэтому вы не могли нарисовать жука, а кроме вас здесь никого не было. Поэтому фигура эта изобразилась не действием человеческой руки; а между

тем я видел перед глазами нарисованного жука!

Дойдя мысленно до этого вывода, я начал припоминать, и действительно вспомнил все малейшие обстоятельства, всю обстановку наших обоюдных действий в то время. В комнате было холодно, и, к великому счастью, сильный огонь горел в камине. Я был довольно согрет прогулкой, и потому сел у стола. Вы же придвинули стул к самому камину. В ту самую минуту, когда я вам передал пергамент и когда вы хотели взглянуть на него, Вольф, моя собака, вбежал в комнату и вскочил к вам лапами на плеча. Вы начали ласкать его левой рукой, стараясь отстранить от себя, и в то же время, правую вашу руку, в которой был пергамент, опустили между колен, к самому огню. Я думал, что рисунок мой вспыхнет, и хотел вас предупредить, но прежде чем мог вымолвить слово, вы отняли руку от огня и начали рассматривать рисунок. Взвесив все эти мелочные обстоятельства, я не сомневался ни минуты, что теплота способствовала к явлению на пергаменте фигуры черепа. Вам, вероятно, известно, что есть и всегда были некоторые химические составы, письменные изображения которых являются на бумаге, когда ее нагреют. Для этого употребляется иногда цафра, разведенная в царской водке и в четырех частях воды. Этот состав дает зеленую жидкость. Королек кобальта, распущенный в селитренном спирте, производит красную. Оба цвета эти исчезают на бумаге, но, нагревая ее, можно получить их снова.

Я начал рассматривать мертвую голову со всевозможным старанием. Линии, ближайšie к краям пергамента, вышли гораздо яснее. Очевидно, что действие жара было неодинаково. Я тотчас же засветил огонь и начал сильно нагревать каждую часть пергамента. Сначала линии, обозначающие череп, только почернели. Но потом, на другом конце пергамента, наискось от мертвой головы, показалась фигура, которую я сперва за козу, но, рассматривая с большим вниманием, увидел, что это был козленок.

— А! а! — сказал я, — теперь я не могу над вами трунить: полтора миллиона долларов! — вещь слишком серьёзная, но со всем тем, трудно найти отношения между вашими пиратами и козой. Пираты, как вам известно, не имели никакого дела с козами. Это касается до фермеров.

— Но я же вам сказал, что фигура изображала не козу, — прервал Легран.

— Ну, положим, козленка, это почти одно и то же.

— Почти, да не совсем, — заметил Легран. Вы, вероятно, слышали о капитане Кидде. При взгляде на фигуру животного, мне тотчас пришла мысль о иероглифической подписи, которую можно было изобразить имя капитана (*Кид* по-английски значит козленок). Я говорю: подпись, потому что место, занимаемое ею на пергаменте, тоже подтверждало мою догадку. Что же касается до мертвой головы, помещенной наискось на другом конце, она, казалось мне, была вместо печати. Но я был в неопisanном отчаянии, не находя ничего более, то есть воображаемого мною важного документа.

— Вы, вероятно, надеялись увидеть письмо между печатью и подписью?

— Да, что-нибудь в роде этого. Дело в том, что я имел необъяснимое предчувствие какого-то необыкновенно счастливого обстоятельства. Почему? я и сам не знаю; может быть, это было с моей стороны более желание, чем уверенность. И сказать ли? даже глупая идея Юпитера, что жук — золотой, имела сильное влияние на мое воображение. Какое странное стечение обстоятельств! Заметили вы все случайности этого дела? Нужно было, чтобы все это произошло именно в единственный холодный день в году, когда понадобилось греться перед огнем! а без огня, так же как и без вбежавшей в известную минуту собаки, я бы никогда не увидел мертвой головы, и потому не получил бы и сокровища.

— Продолжайте, продолжайте; я горю нетерпением услышать развязку.

— Итак, сказал Легран, вы слышали, вероятно, разные толки о зарытых сокровищах Кидда и его товарищей, где-то на берегах Атлантического Океана. Вероятно, должно же было существовать какое-нибудь основание всем этим слухам. И если эти слухи продолжались так долго и с такой настойчивостью, то, по-моему, это доказывало одно: что закопанное сокровище оставалось до сих пор закопанным. Если бы Кидд, спрятав на время свою добычу, вынул ее потом, эти предания не дошли бы до нас в первобытном, одинаковом предании. Заметьте еще: все подобные истории рассказываются всегда об искателях кладов, но никогда о тех, которые их находили. Если бы пират взял свои деньги, то история тем бы и кончилась. Мне казалось, что какое-нибудь обстоятельство, как например потеря документа, в котором означалось настоящее место — могло одно лишить средств отыскать эти богатства. Я мог предполагать, что именно вследствие этого обстоятельства товарищи Кидда, зная о существовании сокровища, но не зная, где оно было зарыто, делали всевозможные, напрасные поиски, и тем самым дали повод к общим, темным слухам о зарытом кладе. Слышали ли вы когда-нибудь о сокровище, найденном здесь на берегах?

— Никогда.

— А между тем известно, что Кидд имел несметные богатства. Из всего этого я наверно заключил, что богатство это находилось еще под землей, и не удивляйтесь, если я вам скажу: во мне блеснула надежда, надежда доходившая до убеждения, что в пергаменте заключалось верное указание места зарытого клада.

— Но как же вы дошли до этого? — спросил я.

— Я снова подверг действию жара, еще сильнеею, найденный мною пергамент; но ничего не явилось. Я подумал тогда, что слой грязи мешал, может быть, успеху и, вымыв пергамент теплой водою, положил его в жестяной кастрюле на горячие уголья, черепом вниз. Через несколько минут, когда кастрюля совершенно нагрелась, я вынул пергамент, и увидел с неописанной

радостью, что на листе во многих местах вышли какие-то знаки с цифрами, написанные в строку. Я снова положил лист в кастрюлю и оставил его на огне еще с минуту, когда я вторично вынул пергамент, он был весь покрыт знаками, как вы и теперь можете видеть.

При этих словах, Легран достал свой драгоценный пергамент, и нагрев его, показал мне. На листке, между мертвой головой и козленком, выступили красным цветом следующие грубо написанные знаки:

53+++305) 6*;4826) 4+.) 4+); 806*; 48+8
¶60)) 85; 1+ (; :+*8+83 (88) 5*+; 46 (; 88*96
*?; 8) *+ (; 485); 5*+2: *+ (; 4956*2 (5*-4) 8
¶8*; 4069285);) 6+8) 4++; 1 (+9; 48081; 8: 8+
1; 48+85; 4) 485+528806*81 (+9; 48; (88; 4
(+?34; 48) 4+; 161; : 188; +?;

— Но... — сказал я, возвращая ему пергамент, — я тут ровно ничего не понимаю. И если бы все сокровища Голконды были бы ценою открытия этой загадки, то я бы, вероятно, никогда не получил их.

— И между тем, — произнес Легран, — разрешение загадки не так трудно, как кажется с первого взгляда. Знаки эти, как всякий поймет, поставлены вместо слов, и, соображаясь с понятиями Кидда, я не мог предполагать, чтобы он выдумал слишком замысловатый секрет. Довольно, если для грубого ума моряка, казалось невозможным без ключа добраться смысла этих цифр.

— И вы дошли? — спросил я.

— Очень легко; я отгадывал в тысячу раз труднейшие. По обстоятельствам и по особенному расположению моего ума, подобные загадки всегда имели для меня огромный интерес, и я сомневаюсь, чтобы человеческий ум мог придумать такой секрет, которого бы другой ум не открыл при достаточном старании. Итак, едва мне удалось найти ряд известных букв, как я уже не думал более о трудности добраться до смысла.

В этом случае — и вообще во всех шифрованных письмах, главное — язык, на котором написаны цифры; потому что правила разрешения, даже и в самых простых цифрах, зависят от свойства каждого языка, и могут, сообразно ему, изменяться. Вообще, нет другого средства, как пробовать постепенно, соображаясь с случайностями, все известные вам языки, покуда не наткнешься на настоящий. Но для меня трудность эта уничтожилась подписью. Значение слова *Kidd*, изображенное козленком, возможно только на английском языке. Без этого счастливого открытия, я бы начал пробу с испанского и французского языков, на которых пират испанских морей вероятнее всего мог написать этого рода тайну. Но тут я заключил, что цифры заменяли английские буквы.

Заметьте, что между словами нет разделения. С разделениями было бы несравненно легче. В этом случае, я бы взял самые короткие слова и, найдя слово, состоящее из одной буквы, например *a* или *i* (один, я) я бы легко дошел до остального. Но как разделения в этих цифрах не было, то первая моя забота состояла в том, чтобы найти чаще и реже встречающиеся буквы. Я сосчитал их все, и составил следующую таблицу:

Знак	8	находится	33	раза.
	;	"	26	"
	4	"	19	"
	+ и)	"	16	"
	*	"	13	"
	5	"	12	"
	6	"	11	"
	! и 1	"	8	"
	0	"	6	"
	92	"	5	"
	: и 3	"	4	"
	?	"	3	"
]	"	2	"
	— и .	"	1	"

Буква, которая всего чаще встречается в английском языке, есть *e*. Прочие следуют в этом порядке: *a o i d h n r s t u y c f g l m w b k p q x z*.

E встречается так часто, что трудно найти даже маленькую фразу, где бы оно не стояло несколько раз.

Таким образом, с самого начала мы имеем в основании нечто более, чем одни догадки. Общее употребление этой таблицы очевидно; но, зная, что цифры на пергаменте изображают английские буквы, нам редко придется прибегать к таблице. Так как знак всего более встречающийся есть 8, то мы его и принимаем за *e*. Для проверки посмотрим, если этот знак стоит вдвойне,

потому что *e* очень часто удваивается в английском языке, как, например, в словах: *meet, fleet, speed, seen, been, agree* и пр. В настоящем случае мы видим, что он удвоен пять раз, несмотря на то, что таинственное письмо состоит из небольшого числа строк.

Итак, 8 изображает *e*. Теперь подумаем: из всех английских слов всего чаще попадает член *the*; поэтому рассмотрим, не найдем ли мы трех знаков часто и одинаково поставленных и из которых бы последний был 8. Если мы увидим такие повторения, то с большой вероятностью заключим, что они изображают слово *the*. Проверив, находим семь раз повторенные знаки: ;48. Мы можем предположить, что знак ; изображает *t*, 4 значит *h*, а 8 есть *e*. Значение последнего знака подтверждается этим снова. Мы уже сделали теперь большой шаг. Мы нашли только одно слово, но по этому слову можем приблизительно определить начала и окончания в других словах. Посмотрим, например, предпоследний случай, почти в конце письма, где стоят знаки ;48. Мы понимаем, что ; следуя за ;48 начинает новое слово, и из шести знаков, из которых оно состоит, нам известны пять. Заменим знаки буквами, оставляя пустое место для неизвестного:

t eeth

Теперь мы должны, очевидно, отделить *th*, как не могущее принадлежать слову, которое начинается первым *t*, потому что, подставляя поочередно все буквы азбуки на пустое место, мы находим невозможным составить из этих знаков какое-нибудь слово, в котором бы находилось на конце *th*. Отбросив эти две буквы, остается:

t ee

подставляя опять всю азбуку, если нужно, заключаем, что буква *r*, вставленная на пустое место, дает слово *tree* (дерево.) Таким образом, получаем новую букву *r*, изображенную чрез (, и еще два вместе стоящие слова *the tree* (дерево.)

Немного далее мы опять находим ;48, ставя на это место известное *the*, получаем

the tree ;4(+?34 the,

или заменяя уже известными нам буквами

the tree thr+?3h the.

Поставя точки вместо неизвестных знаков, получим:

the tree thr...h the

и слово *through* (чрез) выходит так сказать само собою. Но это слово дает нам еще три новые буквы *o, u и q*, изображенные знаками + ? и 3.

Теперь поищем в шифрованном письме соединения известных знаков. Мы находим

83 (88 или *egree*

что очевидно принадлежит к слову *degree* (градус) и дает нам букву *d*, изображенную знаком !.

Чрез несколько букв далее слова *degree* стоит

; 46 (; 88

заменив известные и ставя точку на место неизвестной, будет:

th. rtee.

что нам тотчас же приводит на мысль слово: *thirteen* (тринадцать) и дает еще две буквы *i и n*, изображенные чрез 6 и *. Рассматривая теперь начало письма, видим:

53++!.

Подставляя как уже знаем, выходит:

good

Это показывает, что первая буква должна быть *a*, и, таким образом, первые два слова будут: *a good* (добрый, ая.)

Теперь для легкости все это можно представить в таблице, что нам и даст требуемый ключ, хотя еще и неполный; итак

5	изображает	a
!	"	d
8	"	e

3	"	g
4	"	h
6	"	i
*	"	n
+	"	o
("	r
;	"	t
?	"	u

Итак, мы имеем десять главнейших букв; ненужно продолжать далее этих изысканий. Из этого примера вы достаточно можете видеть, как легко разрешить секретные цифры и каким анализом нужно руководствоваться в подобных случаях. Но будьте уверены, что это шифрованное письмо принадлежит еще к самым легчайшим. Мне остается теперь показать вам перевод его, избавляя вас от дальнейшего отыскания остальных букв и слов. Вот содержание пергамента:

A good glass in the bishop's hostel in the devil's seat forty-one degrees and thir teen minutes northeast and by north main branchseventh limb east side shoot from the left eye of the death's head a bee line from the tree through the shot fifty feet out.

(Хорошее стекло в отеле бискупа в чертовом стуле сорок один градус тринадцать минут северо-восток четверть на север главный ствол седьмая ветвь на восток, опусти через левый глаз мертвой головы верная линия от дерева сквозь пулю пятьдесят футов прямо.)

— Но... сказал я, — мне кажется загадка так же непроницаема, как и была. Что можно понять изо всей этой чепухи: чертов стул, мертвая голова и отель бискупа?

— Согласен, — отвечал Легран, — что с первого взгляда все это кажется довольно странно. Главной моей заботой было отыскать в этих фразах разделения, которые должны были существовать в голове того, кто их писал.

— То есть вы хотели поставить знаки препинания?

— Да, вроде этого.

— Но как же вы это сделали?

— Я подумал, что писавший вероятно взял себе за правило ставить слова безо всякого разделения, надеясь этим запутать еще более задачу. Но человек, который не слишком хитер, всегда перейдет чрез меру в подобном случае. Таким образом, когда во время изложения он доходит во фразе до окончания смысла, где естественно требуется остановка или точка, то тут он невольно сжимает слова одно с другим, более чем обыкновенно. Взгляните на этот манускрипт, и вы легко заметите пять таких мест, где цифры лепятся, так сказать, одна на другую. Следуя этим указаниям, я разделил все фразы так:

A good glass in the bishop's hostel in the devil's seat — forty-one degrees and thirteen minutes — northeast and by north — main branch seventh limb east side — shoot from the left eye of the death's head — a bee-line from the tree through the shot fifty feet out.

(Хорошее стекло в отеле опекуна в чертовом стуле — сорок один градус тринадцать минут — северо-восток четверть на север — главный ствол седьмая ветвь на восток — опусти чрез левый глаз мертвой головы — верная линия от дерева сквозь пулю пятьдесят футов прямо).

— Несмотря на ваше разделение, сказал я, я все-таки ничего не понимаю.

— И я сам не понимал, в продолжение нескольких дней, отвечал Легран. В это время я делал разные поиски в окрестностях Сулливана о корабле, который должен был называться Bishop's — Hotel или Hostel, — я не заботился о старинной орфографии слова Hostel. — Ничего не открыв, я, было, хотел расширить круг действия моих изысканий, и принять более систематическую методу. Как в одно утро мне пришла в голову мысль, что название *Bishop's hostel* имело сходство с одной старинной фамилией, поименно Bessor, которая с незапамятного времени владела старинным замком за четыре мили на северной стороне острова, я тотчас же отправился на плантацию и начал там расспрашивать негров. Наконец какая-то старуха сказала мне, что она слышала об одном месте, называемом Bessor's castle (отель или замок Бессопа), и могла даже указать мне на это место, но там не было ни замка, ни дому, а только одна большая скала.

Я обещал старухе заплатить за труды, и она согласилась довести меня до самого места. Мы пришли туда безо всякого затруднения; я отпустил ее и начал осматривать скалу. *Зáмок* состоял из неправильного собрания острых камней и скал, из которых одна, выше других, стояла в стороне, и была замечательна своей искусственной формой. Взорвавшись на ее вершину, я, правду сказать, почувствовал себя в весьма затруднительном положении: что теперь делать?

В то время как я раздумывал, глаза мои остановились на небольшом выдавшемся камне на восточной стороне скалы, почти с ярд расстояния подо мною. Этот выдавшийся камень выходил наружу вершков на 18 и был в ширину немного более фута; продолговатое отверстие, выбитое сверху, придавало ему грубое сходство с креслами с вынутой спинкой, на каких сживали наши предки. Я не сомневался, что это был *чертов стул*, упоминаемый в манускрипте, и мне казалось, что я уже обладал всей

тайной.

Хорошее стекло (glass) не могло означать ничего другого, кроме подозрной трубы, потому что наши моряки редко употребляют слово glass в другом смысле. Я тотчас понял, что тут требовалось прибегнуть к помощи подозрной трубы, став на известную точку *со всей возможной верностью*. Но слова: *сорок один градус, тринадцать минут и северо-восток, четверть на север*, — я не сомневался ни минуты, — показывали настоящую точку, чтобы наставить трубу. Глубоко пораженный всеми этими открытиями, я полетел к себе, достал телескоп и возвратился с ним на скалу.

Я влез на каменное кресло и увидел, что на нем можно было кое-как сидеть. Это еще более подтвердило мою догадку. Тогда я принялся за трубу. Разумеется: *сорок один градус тринадцать минут* могли относиться только к возвышению над линией горизонта, потому что это направление было достаточно обозначено словами: *северо-восток четверть на север*. Я нашел требуемую линию посредством небольшого компаса; потом, наставляя трубу как можно вернее по приближению, на сорок один градус в высоту, я осторожно начал двигать ее сверху вниз и снизу в верх, покуда глаза мои не остановилось на кругловатом отверстии между зеленью огромного дерева, которое, как только глаз мог окинуть, возвышалось надо всеми другими. В самом центре этого отверстия я заметил белую точку, но сначала не мог разглядеть, что это такое было. Поправив трубу, я начал снова всматриваться, и увидел, наконец, что эта белая точка была человеческий череп.

После этого важного открытия, которое исполнило меня уверенностью, я считал мою задачу совершенно решенною, потому что слова: *главный ствол седьмая ветвь на север*, могли относиться только к положению мертвой головы на дереве, и следующие: *опусти чрез левый глаз мертвой головы*, могли иметь только одно значение, потому что тут дело шло о зарытом кладе. Я понял, что нужно было бросить пулю сквозь левый глаз черепа, и что, верная, то есть перпендикулярная линия от самого основания дерева, идущая *сквозь пулю*, то есть сквозь точку, на которую упадет пуля, показывает настоящее место, под которым, — я мог предполагать не без основания, — могло еще находиться зарытое сокровище.

— Все это, — перебил я, — чрезвычайно ясно, умно придумано, и вместе с тем просто и понятно. Что же вы сделали, оставив *отель Бискупна*?

— Заметив дерево, его форму и положение, я собрался идти домой. Только что я сошел с *чертова стула*, как круглое отверстие исчезло, и на какую сторону я ни обращался, я не мог его снова увидеть. Этот факт показался мне самым хитрейшим во всем этом деле, потому что, сколько раз я ни пробовал, круглое отверстие могло быть видимо только из одной точки, и эта единственная точка находилась в узком углублении скалы.

В другой раз со мной пошел Юпитер, который, вероятно, заметя в продолжение нескольких недель мой озабоченный вид, употреблял всевозможное старание, чтобы не оставлять меня одного. Но на следующий день я встал ранехонько, успел ускользнуть от него, и поспешил в горы, к моему драгоценному дереву; немало стоило мне труда сыскать его снова. Когда я уже ночью возвратился к себе домой, верный Юпитер готов был отделать меня палкой по спине. Все прочее, я думаю, вам так же хорошо известно, как и мне.

— Кажется, — сказал я; мы рыли в первый раз не на том месте, по глупости Юпитера, который спустил жука через правый глаз черепа вместо левого?

— Разумеется, это делало разницу на вершок в отношении к падению *пули*, то есть к месту, которое должно было заметить колышком близ дерева. Если бы сундук находился под местом падения *пули*, эта ошибка была бы ничтожна, но *пуля* и другое место, назначенное близ дерева, служили только двумя точками, чрез которые требовалось провести линию; разумеется, ошибка, в начале ничтожная, увеличивалась по мере длины линии, и когда мы отделились по ней на пятьдесят футов, то попали совершенно на другое место. Без неотвязчивой мысли, что тут где-то непременно есть клад, мы бы вероятно трудились понапрасну.

— Но ваша торжественная поза и движение при качании на нитке жука — что за странность! Я право думал, что вы рехнулись. И зачем вы спустили жука, сквозь череп, а не пулю?

— Гм! сказать правду, мне немного было досадно ваше сомнение насчет моих умственных способностей, и я захотел наказать вас по-своему маленькой мистификацией. Вот почему я качал жука; а замечание ваше насчет его особенной тяжести дало мне мысль спустить его с дерева вместо пули.

— Да, я все понимаю; и теперь для меня остается только одно неясным: что вы скажете о двух скелетах?

— А! это вопрос, на который могу столько же отвечать, как и вы: я имею одну правдоподобную мысль, хотя она слишком ужасна. Понятно, что Кидд, — если только он зарыл клад, в чем я, с своей стороны, не сомневаюсь, — понятно, что Кидд должен был иметь помощников при зарывании. Когда же работа была окончена, он мог желать уничтожения свидетелей своей тайны. Два хороших удара лопатой были достаточны для вечного молчания работников, которые в то время закапывали яму; может быть, пришлось им и более, кто теперь скажет?

КОНЕЦ

Источник — [https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Золотой_жук_\(По/Смирдин\)&oldid=2305291](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Золотой_жук_(По/Смирдин)&oldid=2305291)